

7. Судьба эмбриона Божены Рынски стала предметом спора юристов [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд.ру». – Режим доступа: <https://vz.ru/society/2019/3/23/969657.html>. – Дата доступа: 30.03.2019.

8. Заявление об искусственном оплодотворении и трансплантации эмбрионов [Электронный ресурс] : [принято XXXIX Всемирной медицинской Ассамблеей, Мадрид, Испания, октябрь 1987] // Медицина и право. – Режим доступа: <http://www.med-pravo.ru/International/IVF.htm>. – Дата доступа: 18.04.2019.

9. Романовский, Г. Б. Правовое регулирование хранения половых клеток и эмбрионов [Электронный ресурс] / Г. Б. Романовский // Медицинское право. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/osnovy-gosudarstvennogo-upravlenija/administrativnye-pravonarushenija-i-administrativnaja-otvetstvennost/18/statja--pravovoe-regulirovanie-hranenija-polovyh-kletok-i-embrionov.html>. – Дата доступа: 18.11.2019.

УДК 342.7

МЕСТО СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Бакун Анна Станиславовна,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры международного права
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, г. Минск

Процессы информатизации и глобализации, происходящие во всем мире, в последнее время активизировали интерес к традиционным ценностям, самобытности отдельного народа или нации, особенностям развития конкретного государства. Наиболее интенсифицировались исследования в таких областях, как культура, история, право.

Безусловно, конституционное право как базовая отрасль права для развития системы права любого государства концентрирует в себе основополагающие правовые ценности. Такие правовые ценности содержат в себе конституции государств, а в науке конституционного права, по мнению ряда ученых, «сложилось целое самостоятельное направление конституционной аксиологии» [1, с. 24, 25; 2, с. 63]. Данное научное направление предполагает междисциплинарность в исследовании в связи с тем, что правовые ценности не могут быть рассмотрены вне культурологического, исторического и иных контекстов. По мнению М. П. Малько, «понятие конституционной аксиологии многие авторы связывают с понятиями как морально-этического, так и правового характера» [3, с. 34].

В практическом применении конституционная аксиология предполагает изучение основополагающих правовых ценностей, содержащихся в конституциях и складывающихся в определенные системы. Нельзя не согласиться с мнением М. П. Малько, что «конституционную аксиологию как форму непосредственного отношения к модели и практике реального конституционализма отличает, прежде всего, исключительный статус ее источника – конституции, осмысление и реализация которой предполагают и момент аксиологической интерпретации» [3, с. 34].

Правовые ценности, содержащиеся в конституциях государств, называются конституционными. В конституциях различных государств закреплены отличные друг от друга системы конституционных ценностей. Это обусловлено различием в историко-культурном развитии государств, а также различием в формировании правовых систем, к которым относится то или иное государство. Безусловно, конституционные ценности также формируются под влиянием национальных, религиозных и иных факторов.

Универсальная система конституционных ценностей включает в себя такие ценности, как справедливость, суверенитет, верховенство права, права и свободы человека, человеческое достоинство, а также самого человека. Однако с точки зрения права, человек как самая главная конституционная ценность представляется неотделимой от своего достоинства или своих прав и свобод. В то же время в правовой доктрине и конституционном законодательстве ряда стран данные понятия

различают. Большинство конституций закрепляют, что главной ценностью является человек [4 и др.] и (или) его права и свободы [5; 6 и др.]. Так, в соответствии со ст. 3 Конституции Украины «человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине высшей социальной ценностью» (пер. – А. Б.) [4]. Следовательно, в украинской Конституции подробно перечислен комплекс ценностей, связанных с человеком, которые в полной мере можно считать не только социальными, но и конституционными. В свою очередь, в ст. 2 Конституции Республики Беларусь закреплено, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [5]. Полагаем, что посредством рассматриваемой конституционной нормы не только человека, его права и свободы следует понимать в качестве конституционной ценности, но и гарантии их реализации. Наиболее краткое конституционное закрепление правовые ценности находят в ст. 2 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Все указанные конституционные нормы обладают некоторым сходством, что обусловлено общим советским прошлым государств, а также временем принятия Основных Законов и общими тенденциями развития правовой мысли в период принятия конституций. Закрепление конституционной ценностью человека представляется своего рода свидетельством отказа постсоветских государств от восприятия человека не как индивидуальной личности, а как единицы коллектива.

Многие западные или африканские конституции определяют ценностью исключительно права человека [7 и др.] и (или) достоинство личности [7; 8 и др.]. Так, в соответствии со ст. 1 Основного Закона Федеративной Республики Германия «достоинство человека неприкосновенно» [7], а в ст. 2 того же Основного Закона права человека указываются в качестве неприкосновенных и неотчуждаемых [7]. Несмотря на то, что в Основном Законе Германии права человека и достоинство личности не закрепляются в качестве конституционных ценностей, однако можно полагать, что, исходя из их первоочередного закрепления в немецком Основном Законе и ретроспективного анализа истории Федеративной Республики Германия, они являются таковыми. В свою очередь, ст. 7 гл. 2 Конституции Южно-

Африканской Республики «утверждает такие демократические ценности как человеческое достоинство, равенство и свобода» [8] (пер. – А. Б.). Представляется, что перечисленные демократические ценности в Конституции Южно-Африканской Республики являются необходимыми конституционными ценностями, что также подтверждается ретроспективным анализом истории данного государства.

Безусловно, человек может рассматриваться в качестве конституционной ценности. В юридической науке существует направление, которое занимается изучением человека. Таким направлением является юридическая антропология. По мнению П. И. Костогрызова, при научных исследованиях в плоскости юридической антропологии необходимо «рассматривать человека в контексте как обычного права, так и писаного, без чего невозможно создание целостной модели *homo juridicus*» [9, с. 84]. Однако в правовой науке человека невозможно рассматривать как исключительно биосоциальное существо, должно быть целостное понимание человека, неотделимое от его личного достоинства и комплекса прав и свобод.

В свою очередь, в правовой доктрине нет единообразного понимания такой категории как достоинство личности или человеческое достоинство [10, с. 189; 11, с. 176, 177; 12, с. 29; 13, с. 145]. Так, под человеческим достоинством М. А. Краснов понимает «прирожденное достоинство» личности, которое выражается в «Божьем подобии» человека [10, с. 189], что представляется весьма разумным в связи с религиозной теорией происхождения человека. В то же время А. М. Осавелюк полагает, что «достоинство человека – это то, что человек сам о себе думает, и как, согласно своим представлениям о своем светлом образе, воспринимает отношение к нему окружающих» [11, с. 176, 177]. Однако, скорее, это психологическая характеристика отношения человека к самому себе и отношению к нему окружающих, а не правовая. Нельзя не согласиться с мнением Г. А. Василевича, который указывает «на более широкое содержание этой категории, охватывающей, наряду с правом на жизнь, все явления (права и свободы), характеризующей такое качество жизни, которое не только субъективно (в силу личных ощущений, то есть личностная самооценка), но и объективно подтверждает и обеспечивает статус человека как полноправ-

ного субъекта человеческой деятельности» [12, с. 29]. Мнение Г. А. Василевича разделяет с В. А. Червернин, который подчеркивает, что «юридическая категория "достоинство личности" раскрывается через набор тех личных прав и свобод, которые в конкретном обществе гарантируются каждому человеку» [13, с. 145].

В качестве конституционных ценностей права и свободы человека представляются, в свою очередь, возможностями, которыми человек обладает от рождения [14] и которые он может использовать в течение всей своей жизни. Система прав и свобод человека закреплена в практически каждой конституции, однако перечень прав и свобод может различаться. Нельзя не отметить, что в последнее время в правовой доктрине появляются работы о правах эмбрионов [15, с. 43] и праве человека распоряжаться своей телом после смерти [16], что требует дальнейшего научного осмысления и постепенного правового регулирования.

Рассматривая систему прав и свобод человека в качестве наиважнейших конституционных ценностей, необходимо констатировать, что основными его правами являются право на жизнь и право частной собственности, а необходимыми свободами для человека представляются свобода мысли и свобода вероисповедания. Особое значение свобода вероисповедания приобретает после ее ограничения или запрещения и различного рода гонений на религиозные организации в отдельные исторические периоды.

Свобода вероисповедания, относящаяся к первому поколению прав и свобод человека, отражает витальные человеческие потребности в вере в трансцендентное и сверхъестественное. Это обусловлено в том числе влиянием религии на становление первобытного, античного, средневекового человека, а также значением мировых религий для развития всемирной истории. Религиозность как сопровождающее качество человеческой жизни на протяжении всей истории человечества находит свое юридическое выражение в свободе вероисповедания. При этом нельзя подменять свободу вероисповедания свободой совести.

В контексте сказанного актуальным является вопрос о соотношении свободы совести и свободы вероисповедания,

поскольку ученые и законодатель иногда противопоставляют их, а иногда используют как синонимичные понятия. С. А. Авакьян справедливо отмечает, что «российский законодатель не проводит каких-либо различий между свободой совести и свободой вероисповедания и использует их совместно в виде обобщенного понятия» [17, с. 9], то есть на практике свобода совести и свобода вероисповедания обычно объединяются, а иногда отождествляются [18, с. 360]. Свобода вероисповедания представляет собой одну из основных личных свобод, предполагающую наличие у человека положительных религиозных убеждений и предусматривающую возможность действовать в соответствии с ними. В то же время свобода совести предполагает возможность каждого самостоятельно выбирать для себя систему духовных ценностей, в том числе не связанных с религиозной составляющей. Полагаем, что понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» не являются тождественными и справедлива позиция ряда исследователей [19, с. 8; 20, с. 95], согласно которой свобода вероисповедания представляет собой самостоятельную часть более широкого понятия «свобода совести». Следует также согласиться с А. В. Пчелинцевым, указывающим на необходимость «придерживаться понимания свободы совести и свободы вероисповедания как диалектически близких, но самостоятельных понятий, соотносящихся как общее и частное» [21, с. 27].

Исходя из вышеизложенного, под свободой вероисповедания следует понимать фундаментальную, неотъемлемую свободу, выражающуюся в возможности иметь религиозные убеждения, выбирать религиозные учения и действовать в соответствии с ними, пределы которой устанавливаются законодательством [22, с. 67]. Исходя из анализа вышеуказанных правомочий свободы вероисповедания, можно констатировать их значение для полноценной реализации рассматриваемой свободы. Во-первых, человек должен понимать, что он может иметь внутренние религиозные убеждения, отказываться от них на протяжении своей жизни или, наоборот, приобретать таковые. Во-вторых, человек не может быть ограничен в выборе формы своих религиозных убеждений, то есть может исповедовать любую предпочтительную ему религию, а также менять свою вероисповедную принадлежность и даже изобре-

тать новую форму религии. В-третьих, каждый человек может действовать со своими религиозными убеждениями, что может выражаться в участии в религиозных богослужениях, церемониях и обрядах, посещении паломнических мест, ношении религиозных символов, миссионерской деятельности, обучении религии и др., то есть во внешней реализации своих внутренних религиозных убеждений.

Безусловно, место в системе конституционных ценностей свободы вероисповедания как одной из свобод и прав человека напрямую зависит от концепции происхождения человека. Если мы берем за основу дарвиновскую теорию происхождения человека [23], свобода вероисповедания не является неотъемлемой или необходимой свободой, так как, согласно данной концепции, эволюция человека и его происхождение не обусловлены сверхъестественными, трансцендентными явлениями. Следовательно, наличие свободы вероисповедания в системе прав и свобод человека абсурдно, так как не существует предмета веры в связи с тем, что человек произошел от обезьяны в результате эволюции. Более того, если придерживаться дарвиновской теории, получается, что все постулаты той или иной религии, включая существование в основе мироздания Бога (Аллаха, Яхве) или богов, спасение души человека в земном мире или возможности переселение душ, существование загробного мира, вечной жизни, участие в религиозной практике и обучении, являются не только абсурдными, но и ненужными. При данной теории происхождения человека свобода вероисповедания сводится к примитивной возможности верить в несуществующее, а следовательно, не является необходимой.

Однако если взять за основу религиозную концепцию происхождения человека [24; 25], то, безусловно, свобода вероисповедания занимает центральное место в системе прав и свобод человека как конституционных ценностей. Во-первых это обусловлено тем, что происхождение прав человека в соответствии с данной теорией является трансцендентным, следовательно, права и свободы человека дарованы человеку Богом и тем самым являются высшей ценностью. Во-вторых, человек воспринимается как образ Божий, а следовательно, ущемляя его достоинство, нарушая его права и свободы, иной

субъект правоотношений нарушает не просто мирские законы, а законы мироздания. В-третьих, свобода вероисповедания как правовое выражение религиозности в данном случае выступает основой для иного осмысления, восприятия и отношения к правам человека в целом. Исходя из догматов большинства религий мира, такие права человека, как, например, право на жизнь, понимается как абсолютное, без временных или иных оговорок, право собственности также воспринимается как нерушимое, уважается свободная воля человека, так как Бог даровал человеку данную свободу, и т. д. В-четвертых, в соответствии с религиозной концепцией происхождения человека свобода вероисповедания как возможность иметь религиозные убеждения и их реализовывать представляется рациональной, логичной и естественной. Свобода вероисповедания предполагает позитивное отношение человека к религии и оказывает влияние на все права и свободы человека в связи с тем, что человек, имеющий религиозные убеждения, воспринимает и реализовывает иные права и свободы под влиянием данных религиозных убеждений. Кроме того, ни одна религия мира в своей классической интерпретации не пропагандирует насилие, неуважение к человеку, природе, обществу или государству, а следовательно, не призывает к нарушению законопорядка, общественной безопасности или прав человека.

Таким образом, конституции различных государств признают человека, его личное достоинство и комплекс прав и свобод в качестве конституционных ценностей наряду с такими конституционными ценностями, как справедливость, суверенитет, верховенство права и др. Однако человек, его достоинство и права и свободы, безусловно, являются основополагающими конституционными ценностями, которые, безусловно, необходимо рассматривать не отдельно друг от друга, а комплексно. В правовой доктрине изучением вопросов конституционных ценностей занимается конституционная аксиология.

Полагаем, что свобода вероисповедания занимает центральное место среди прав и свобод человека как конституционных ценностей, которые, в свою очередь также являются одним из основополагающих элементов общегосударственной системы конституционных ценностей. В зависимости от концепции о происхождении человека значение свободы вероисповедания различается. В соответствии с религиозной кон-

цепцией происхождения человека свобода вероисповедания занимает центральное место в системе прав и свобод человека как конституционных ценностей. Думается, что сущность свободы вероисповедания в частности и конституционных ценностей в целом раскрывается не только через юридические или нравственные категории, но и через их религиозное понимание и восприятие. В данном случае такие конституционные ценности, как права и свободы человека, приобретают иное, более глубокое смысловое значение. Последнее видится научной новацией и несколько не исключает правового понимания содержания конституционных ценностей, а, скорее, наоборот, существенно обогащает науку конституционного права.

Список использованных источников

1. Абрамова, О. К. Конституционные ценности как особая форма выражения права / О. К. Абрамова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 12. – С. 24, 25.
2. Овчинников, А. И. Конституционно-правовая аксиология в современной России / А. И. Овчинников // Философия права. – 2015. – № 5 (72). – С. 63–67.
3. Малько, М. П. Предмет конституционной аксиологии / М. П. Малько // Вест. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Право. – 2010. – № 19 (200). – С. 34–37.
4. Конституція України [Электронный ресурс] : із змінами, внес. Законами України, 8 груд. 2004 р., № 2222-IV, 1 лют. 2011 р., № 2952-VI, 19 вер. 2013 р., № 586-VII, 21 лют. 2014 р., № 742-VII, 2 черв. 2016 р., № 1401-VIII // Законодательство стран СНГ : информ.-правовая система. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8689. – Дата доступа: 18.02.2019.
5. Конституція Республіки Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
7. Основной Закон Федеративной Республики Германия : 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : Велико-

британия, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / сост. сб. В. В. Махлаков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – С. 168–246.

8. The Constitution of South Africa [Electronic resources] : as adopted on 8 May 1996 and amended on 11 October 1996 by the Constitutional Assembly // World Intellectual Property Organizatio. – Mode of access: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/za/za107en.pdf>. – Date of access: 20.02.2019.

9. Костогрызов, П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы / П. И. Костогрызов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. – 2017. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 81–99.

10. Краснов, М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие / М. А. Краснов. – М. : Высшая школа экономики, 2018. – 456 с.

11. Осавелюк, А. М. Церковь и государство : монография / А. М. Осавелюк. – М. : Проспект, 2019. – 432 с.

12. Василевич, Г. А. Ценностная парадигма Конституции Беларуси / Г. А. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 3. – С. 28–30.

13. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. – М. : Центр конституционных исследований МОНФ, 1997. – 702 с.

14. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 217 А(III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г.] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. – Дата доступа: 10.02.2019.

15. Еремеева, О. И. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О. И. Еремеева, Н. А. Сайфуллина // Инновационная наука : междунар. науч. журнал. – 2016. – № 3. – С. 40–44.

16. Кудашева, Т. Г. О праве граждан распоряжаться своими органами и тканями [Электронный ресурс] / Т. Г. Кудашева // Киберленинка : науч. электрон. библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-prave-grazhdan-rasporyazhatsya-svoimi-organami-i-tkanyami>. – Дата доступа: 10.02.2019.

17. Авакьян, С. А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт / С. А. Авакьян // Вест. Москов. ун-та. Сер. 11, Право. – 1999. – № 1. – С. 3–22.
18. Юридический энциклопедический словарь / сост. А. И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. В. Е. Крутских. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 450 с.
19. Богданова, Н. А. Конституционно-правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений / Н. А. Богданова // Религиозные организации в правовом и социальном процессах : сб. материалов Первых респ. Афанасьевских чтений «Социальные процессы : Восточно-Европейский контекст», Брест, 15–16 янв. 2003 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест, 2003. – С. 4–9.
20. Конституционные права в России : дела и решения : учеб. пособие / отв. ред. А. Шайо. – М. : Ин-т права и публ. политики, 2002. – 750 с.
21. Пчелинцев, А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.02.02 / А. В. Пчелинцев ; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т. – М., 2012. – 57 с.
22. Бакун, А. С. Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь : монография / А. С. Бакун. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – 290 с.
23. Дарвин, Ч. Происхождение видов : монография / Ч. Дарвин. – М. : АСТ, 2018. – 592 с.
24. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Большой формат. – М. : Новое Небо, 2018. – 1112 с.
25. Священный Коран : смысловой перевод на русский язык / пер. с араб. Э. Кулиева. – 1-е изд. – Кувейт : ГРАС, 2009. – 1072 с.